

ЙОЗИ ВИСМАР

Странствующие
СЕРДЦА

INSPIRIA
Москва

ЙОЗИ ВИСМАР

Странствующие
СЕРДЦА

INSPIRIA
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В53

Josi Wismar
WANDERING HEARTS

© 2024 by Heyne Verlag, a division of
Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, München, Germany

Cover Design by bürosüd (buerosued.de), Munich

Перевод с немецкого *Маргариты Ключак* и *Юлии Колпенко*

Иллюстрации на клапанах *Марии Кузьмич*

Висмар, Йози.

В53 Странствующие сердца / Йози Висмар ; [перевод с немецкого М. Ключак, Ю. Колпенко]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-216276-3

У Тары все под контролем: учеба, стажировка, предсказуемое будущее. Пока однажды она не выбирает себя — и не уезжает в Канаду.

С первых дней все идет не так: вместо тепла — холод, вместо поддержки — он. Джейми. Замкнутый, резкий, раздражающе привлекательный. И именно с ним Таре предстоит отправиться в экспедицию по суровой, захватывающей дух природе Скалистых гор.

Он боится близости. Она учится быть собой. Но чувства — неподходящие, сильные, настоящие — накрывают с головой.

Вот только у каждого из них есть прошлое, которое не отпускает. И стоит вернуться — как мечта превращается в испытание.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Ключак М., Колпенко Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
«ООО Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216276-3

*Посвящается сообществу BookTok
и всему книжному комьюнити.*

*Спасибо за пространство, где я могу
быть собой.*

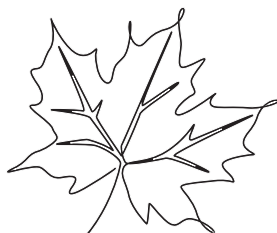
Дорогие читатели,
некоторые эпизоды в книге могут сработать как триггеры, а именно: онкологические заболевания, потеря члена семьи, невротическое царапание кожи, жестокое обращение с животными и семейные конфликты.

Желаем вам приятного чтения.

Йози Висмар
и издательство

ГЛАВА 1

Тара

Мне всегда нравилось собирать вещи в поездку.

Но сейчас я стояла перед чемоданом почти с меня ростом и таранилась на пустые компрессионные мешки. Понятия не имела, что меня ждет и сколько дней я пробуду вдали от дома.

— Ты серьезно? — донесся голос Милы из телефона, который я отложила на письменный стол, прямо рядом с календарем, где нежно-голубым маркером было выделено слово «КАНАДА».

— Вроде да, — пробубнила я, в очередной раз пересчитав девять компрессионных мешков, которые обещали помочь сэкономить место в чемодане.

Сомневаюсь, что горы шмоток, возвышающиеся аккуратными стопочками, действительно туда влезут. Я помнила, что их девять, потому что сама распределила одежду по категориям, а потом достала из подвала темно-зеленые мешочки.

— Так и слышу: «Завтра я сажусь в самолет и улетаю в Канаду неизвестно насколько, и мне ни капли не страшно».

По язвительному тону я живо представила, как лучшая подруга качает головой, хотя мы всего лишь болтали по телефону.

— Я уезжаю на вполне определенный срок, — попыталась я убедить саму себя. — И пробуду там максимум до летнего семестра.

Что, кстати, ровно семь месяцев, но вслух я этого не сказала. На первом этаже открылась входная дверь, и сердце заколотилось.

— Ты уже забронировала обратный билет? На конкретную дату и все такое?

— Нет, — покачала я головой и смиренно улеглась на светлый ковер посреди комнаты.

Мила промолчала, не став в очередной раз напоминать, что она была права. Какое-то время срок пребывания в Канаде будет неопределенным.

В дверь постучали, а я все смотрела на пустой чемодан. В любую другую поездку я бы закончила укладывать вещи еще вчера.

— Входи.

— Ты еще не собралась? — выпучил глаза брат.

— Это Мэтти? — спросила Мила как бы невзначай.

— Нет, потрясный друг-красавчик, о котором она тебе не успела рассказать, — ответил брат, ухмыльнувшись.

— Что за чушь. Я знаю о Таре все. Даже то, о чем она сама не догадывается. Например, что трусов ей хватит на две недели, а потом придется искать стиральную машинку среди вершин и медведей.

— Почему у меня такое ощущение, будто я влез в разговор, в котором вообще не хочу участвовать? — засмеялся Мэтти, а я лишь раздраженно закатила глаза.

— Нанаймо — это не такая уж и глушь, как может показаться, — скрестила я руки на груди.

Нанаймо — второй по величине город на острове Ванкувер. И стиральных машин там предостаточно. Разве не так?

— А что за название такое «Центр помощи диким животным»? Там, где есть *дикие* животные, наверняка творится *дичь*? — захихикала Мила над своей шуткой, а мне вот смеяться совсем не хотелось.

— Ты чего так хвост поджала? — Брат уселся рядом на ковер. — Ты же буквально выросла в горах, похожих на канадские.

Я улыбнулась и стала вспоминать множество совместных моментов в Альпах. Мы постоянно ездили из Мюнхена в горы на все лето.

— С животными ты уж точно справишься.

Я подняла голову и посмотрела в глаза брату-близнецу, у которого были такие же темно-русые волосы, как и у меня.

— Ты же понимаешь, что подстригать когти кроликам или делать УЗИ домашним кошкам — это не то же самое, что выхаживать раненых рысят и детенышей пумы, оставшихся без мамы?

Мэтти пожал плечами.

— С каких пор тебя пугают новые сложности?

— Тара, твой брат иногда говорит довольно мудрые вещи.

Пусть Милы здесь не было, мне помогало осознание того, что она в курсе происходящего, и ее комментарии меня успокаивали.

— Маттиас? Тара?

С лестничной клетки донесся резкий голос матери.

— Идете ужинать?

Я хмыкнула с неохотой и просто захлопнула пустой чемодан.

— Лучше не заставлять их ждать, — ласково погладил меня по спине Мэтти.

— Да, Маттиас. Не испытывайте терпение родителей, Маттиас.

— Я кладу трубку, Мила, — ответил он раздраженно, но Мила, разразившись громким смехом, кажется, даже не услышала его.

Я поднялась к телефону. Бросив короткое «До завтра, Мила», я попрощалась с лучшей подругой и осталась один на один с братом в неприятной тишине.

— Уверен, все пройдет не так уж плохо.

Вот она, фишка близнецов. Они умеют читать мысли друг друга, даже если крепко уверены в том, что прокачали навыки держать покерфейс.

— Да уж. Сто процентов будем обсуждать прекрасную летнюю погоду, а не мою стажировку за границей. Поговорим о делах в клинике или же о том, как я всех разочаровала из-за отъезда?

— Меня не разочаровала.

От слов брата было больно.

— Извини.

Мне не хотелось его втягивать. Он был на моей стороне, и без него я бы не пережила последние недели, но в битве с родителями я была обречена на поражение еще до ее начала.

— Просто ума не приложу, Мэтти...

Я уже сбилась со счета, сколько раз эта фраза звучала из моих уст на протяжении последних нескольких недель. Почему поездка в Канаду вызывала такие проблемы, хотя все члены семьи провели за границей как минимум семестр во время учебы ветеринарному делу.

— Вы же знаете, я вернусь. Мы оба возьмем на себя клинику, в этом плане ничего не изменилось.

Я всплеснула руками и раздраженно цокнула языком:

— Даже не знаю, что сказать.

Мэтти понимал, как тяжело дались мне последние несколько дней. Он положил руку на мое плечо и посмотрел с сочувствием. Каждодневные ссоры с родителями вселяли неуверенность, но я твердо знала, что хочу в Канаду.

Сочувственный взгляд Мэтти сменила лукавая ухмылка.

— На твоём месте я бы не стал сообщать им, что ты не получила место для стажировки и пока не знаешь, чем заниматься после поездки к Бет в центр помощи.

— Спасибо, Мэтти. Ценный совет.

Я закатила глаза, и так хотелось толкнуть его в плечо, но он был прав. Я огорчилась, получив отказ от известной кли-

ники в Калгари, но мне просто не удалось подобрать подходящий момент между «Ты нас разочаровала» и «Ты лишаешь себя будущего».

— Если так сделать, меня вычеркнут из завещания прямо за столом.

Мы засмеялись, хоть и знали, что это не шутка. В последние недели ожидать можно было чего угодно.

— Сначала ты погостишь у Бет, а потом посмотрим.

Я переложила компрессионный мешок с одной стороны чемодана на другую. Вот бы мне такой же оптимизм, как у Мэтти.

— Надеюсь. Не представляю, какая она теперь.

Я вращала головой, чтобы снять напряжение в шее.

— Все-таки прошло больше десяти лет.

На мгновение мы оба замолчали, но я почувствовала, что Мэтти хочет что-то добавить.

— Знаешь... — начал он, и я перевела взгляд на брата. — Иногда люди творят глупости. Думая, что поступают правильно.

— Под «людьми» ты случайно не наших родителей имеешь в виду?

Я скептически хмыкнула и переложила еще несколько вещей с места на место. Брат посмотрел на меня, и от его сочувствующего взгляда у меня защемило в груди.

— Ты не обязана это терпеть, Тара.

— Ага, — только и сказала я.

Это непосильная задача. Не обязана терпеть? Как он себе это представляет?

— Я с тобой, Тара. Вот что я хочу этим сказать.

Я тяжело вздохнула и обняла брата.

— Спасибо, — прижалась я к его плечу, надеясь, что это хоть как-то скрасит сложившуюся ситуацию.

Неловкую тишину прерывал лишь звон столовых приборов, царапающих белоснежные фарфоровые тарелки. Мы с Мэтти спустились в столовую и ужинали с родителями мол-

ча. Было неловко, и внезапно все привычное воспринималось так, будто любой твой поступок оценивают с особым пристрастием. Что Тара будет делать дальше? Кого еще она разочарует своими сумасбродными идеями?

— Еще бобов?

Мама протянула небольшую миску, и я кивнула, хотя на тарелке все еще лежали овощи. Не сказала бы, что у меня плохие отношения с родителями. Вообще-то, они всегда были прекрасными. Просто в данный момент все было... сложно.

— Кстати, я забронировал для нас столик на завтра.

Низкий голос отца прорезал тишину. Я устремила растерянный взгляд на Мэтти, который, очевидно, и сам не знал, что сказать. В горле образовался ком, а родители невозмутимо наматывали спагетти на вилки.

— Тогда сразу из аэропорта поедem в ресторан? — попытался помочь Мэтти.

Отец замер, и я тоже.

— Зачем мне с утра в аэропорт?

Вытеснение. В этом отцу не было равных.

Если зажмуриться, то как будто и проблемы нет.

— Со мной попрощаться?.

Я так сильно сжала рукоятку ножа, что костяшки побелели. Спокойный тон полностью противоречил тому, что творилось внутри. Пульс участился, потому что было очевидно, куда неизбежно катился этот разговор. В очередной раз.

— Тара, ты же не...

— Александр!

Мама с лязгом швырнула приборы на тарелку и пристально посмотрела на отца. Прищурившись, она дала всем понять, что не желает вести эту беседу.

— А я бы его послушала.

Я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Тара!

Мама уставилась на меня в шоке. Я никогда не общалась с ними так резко. Особенно с отцом. Впрочем, выражение ее лица тут же снова стало невозмутимым. Видимо, вспомнила о хороших манерах за столом, которые и нам прививала с детства. Я лишь пожала плечами, чувствуя адреналин в ногах.

— Я... — запнулась я и сделала глубокий вдох.

Отвечая, надо сохранять спокойствие. Вести себя по-взрослому, в отличие от двух взрослых, что сидели напротив.

— ...еду на стажировку за границей и не понимаю, почему вы меня не поддерживаете.

Спокойствие в голосе удивило даже меня. Ковыряя заусенцы, я пристально смотрела на маму, ожидая ответа. Уже несколько недель.

— Тара, милая...

Мама протянула мне руку через стол, но я уперлась ладонями в колени. Мне не хотелось держаться с ней за руки и позволять сюсюкаться со мной, как с маленьким ребенком. Точно не сейчас, когда уже по интонации понятно, что она попытается отвлечь меня. Или будет взывать к разуму.

— ...будь благоразумной.

Я закатила глаза. Началось.

— Хоть кто-то в этом доме может мне ответить?

На последней фразе голос дрогнул. Один простой вопрос сделал последние недели невыносимыми. Глаза горели недоверием, а сердце колотилось в грудной клетке. Я взглянула на родителей, они казались такими спокойными в отличие от меня. За что они наказывали меня молчанием, если мой единственный проступок — принятие собственных решений? Мэтти нащупал под столом мою ладонь и взял за руку. Ничего страшного, что он не бросался ради меня на амбразуру, хоть мне этого и хотелось. Спустя вечность молчаливых переглядов отец снова принялся елозить приборами по бежевой фарфоровой тарелке, расправляясь с едой. Он отрезал кусок жаркого, положил его в рот и начал жевать.

— Ты что, шутишь?

Грудь вздымалась, и я растерянно уставилась на него. Зато теперь не придется выбирать — грустить или злиться.

— Тара, — поднял он глаза, раздраженно вздохнув. — Я подумал...

— Никаких «я подумал»!

Я с силой стукнула круглым кончиком ножа по столу и краем глаза заметила, как вздрогнула мама.

— Никаких «я подумал», никаких «мы этого не хотим», никаких «ты нас разочаровала». С меня хватит!

Вся злость последних недель нашла выход, и у меня просто не осталось сил ее сдерживать. Я посмотрела отцу в глаза и стойко выдержала его суровый взгляд. Гнетущая тишина расплзалась все дальше. Что теперь делать? В фильмах после драматичного эмоционального взрыва люди обычно встают и в гневе уходят, чтобы придать словам важности. Похоже, я упустила момент.

— Тара, дорогая...

Спокойный голос мамы звучал так, будто она уже договорила. Однако за последние недели я прекрасно поняла, что это еще не все.

— Мы хотим как лучше.

— Знаю, вы разочарованы, хоть я этого и не понимаю. Как и того, что со мной никто не разговаривает.

Я себя одернула, удивившись, как четко прозвучали мои слова.

— Также я знаю, что вы не в восторге и не поддерживаете мое решение. Не переживайте, я уже несколько недель это замечаю.

Я в последний раз глубоко вздохнула, набирая вместе с воздухом порцию смелости.

— Завтра я улетаю.